НЯНИНА МОЛОДОСТЬ

Около двухъ недѣль льетъ дождь изъ хмурыхъ, непроглядныхъ тучъ; нѣкоторые изъ дачниковъ, соскучась долгимъ ненастьемъ, переѣхали въ свои московскіе дома; въ числѣ ихъ была одна знакомая семья: Сергѣй Романовичь съ женой и дѣтьми. Дурная погода опять сплотила родныя семьи; чаще всего собирались у Михаила Павловича, или лучше сказать, у бабушки. Вотъ, разъ въ сумерки, дѣти пристали къ няничькѣ: — Разскажи, да разскажи про старину, разскажи про свою молодость!

— Эхъ, дѣтушки, я молодость–то свою словно во снѣ видѣла, да и сонъ тотъ заспала, сказала старуха.

— Хоть что нибудь припомни, няничка; ну хоть про то, какъ вы съ бабушкой были маленькія и какъ вы съ нею играли? Сережа прибавилъ къ Сашиной просьбѣ свою разсказать про общую дѣтскую

прабабушку; вѣдь ты кажется ее знавала, няня? сказалъ мальчикъ.

— Еще бы не знавать! да мы всѣ были природные крѣпостные вашей прабабоньки, и мать моя и дѣды и прадѣды, всѣ мы ужь такъ изъ роду въ родъ и переходили.

— А хорошо было въ старину? спросилъ Сережа.

— Да всяко бывало, отвѣчала няня, — всего было, дѣтушки, повторила она: — и хорошее было и худое было, — вѣкъ пережить, не поле перейдти! вотъ и у бабеньки вашей и радости были и горя бывали; мы съ нею весь вѣкъ прожили вмѣстѣ, а на тотъ свѣтъ ужь я впередъ ее пойду, чтобъ было кому тамъ ее, матушку мою, встрѣтить!

— Ну няня! закричали дѣти въ нетерпѣніи, — на что ты говоришь все такое скучное! — разскажи намъ лучше про нашу прабабушку.

— Это про Елизавету Васильевну? спросила няня.

— Нѣтъ няня, не про нее, а про бабушкину бабушку, про Дарью Егоровну.

— А, это про намѣстницу про Дарью Егоровну! такъ она вамъ, дѣтушки, не прабабушкой, а прапрабабушкой приходится; ну что же, извольте, и про нее разскажу вамъ, что помню. — Старая барыня наша намѣстница была сама роду знатнаго, богатаго, да и по мужу тоже куда велика и горда была! Въ околодкѣ всѣ господа звали ее намѣстницей, въ отличку отъ молодыхъ княгинь, ея невѣстокъ; а намѣстницей она была гдѣ–то далеко, и жила она тамъ съ княземъ долго, почитай что до самой смерти его, которая приключилась ему въ дорогѣ, когда они ѣхали на побывку въ Питеръ. Не доѣхавъ до Питера, княгиня повернула въ свое село, похоронила князя и осталась безвыѣздно жить въ этой вотчинѣ. Мужнино имѣніе все сполна отдала дѣтямъ, а сама осталась на своемъ на родительскомъ награжденіи; было и въ своей отчинѣ на чемъ похозяйничать! вѣдь въ пяти губерніяхъ были у нея помѣстья: какъ бывало пойдутъ зимою обозы наши, такъ словно каждый день въ селѣ ярмарка: Закамскіе

пріѣдутъ — меду, орѣховъ, дѣчи, коровьяго масла навезутъ; Симбирскіе — съ красной, свѣжей и соленой рыбой, съ мукой, съ пшеномъ да съ постилой. Нижегородскіе — Сурскую стерлядь, орѣховое масло, пряники, а наипаче свинину, ветчину да дворовую птицу везутъ. Кладовыя и амбары ломятся, а у дворни по всякъ день праздникъ: свои, то есть домашніе, гостинцевъ наслали, да и госпожа изъ своихъ припасовъ выдаетъ всего вдоволь; ужь про это можно сказать и княгинѣ честь приписать, любила покойница, чтобы народъ былъ сытъ и тепелъ, сама каждый день въ застольную хаживала, нашей трапезы откушать, и ужь коли что не ладно, то бывало стряпухи наши сырой каши, аль недопеченаго хлѣба до новыхъ вѣниковъ не забудутъ, — строго покойница взыскивала за дѣло! За то ужь и ѣда была, нашей ѣдой иной бы помѣщикъ не побрезгалъ. Тутъ няня начала по пальцамъ насчитывать кушанья: въ мясоѣдъ, каждый день щи съ убоинкою (съ мясомъ), каша либо со свинымъ, либо съ гусинымъ саломъ, ину

пору и съ коровьимъ масломъ давали, либо съ молокомъ, а молока у насъ и творогу было ѣшь не хочу! По праздникамъ, окромѣ всего, пироги, студень, а ину пору бужанинка съ хрѣномъ. Въ посты — щи съ грибами или со снятками, тюря, горохъ, каша съ масломъ, либо съ коноплянымъ сокомъ, гороховый, аль овсяный кисель, рѣпа, лукъ печеный. По праздникамъ щи съ соленой красной рыбой, пироги съ лукомъ, съ морковью, аль съ кашей да съ грибами; въ Благовѣщенье или въ имянины молодыхъ княгинь, — въ Екатерининъ и Варваринъ день жарили у насъ рыбу и пекли сладкіе пироги съ сушеной малиной или съ мачкомъ на меду.

— Нечего, грѣхъ сказать дурное слово о старой барынѣ; — а ужь за вину какую, а наипаче за обманъ да за воровство, тутъ и прощенья не проси, больно накажетъ! Нашинскіе, то есть, изъ нашего села, боялись ее, да не гораздо, а дальніе обозники, что съ обозами приходили, такъ тѣ дрожкой дрожали, и что Богу свѣчей бывало насулятъ, только бы пронеслась

гроза. А про обозниковъ то, дѣтушки, я вамъ вотъ что скажу: управляющіе иныхъ озорниковъ нарочно отправляли при обозахъ, а въ письмѣ и пропишутъ всѣ вины ихъ; виноватыхъ накажутъ, а иныхъ на усмиреніе на годъ въ другія вотчины отошлютъ.

Съ этого–то самаго и пошла молва: грозна, дескать, старая княгиня, не приведи Богъ, какъ грозна! А говорили все это потому, что не все про нее знали; хорошее то дома лежитъ, а худое далеко бѣжитъ. Нѣтъ, старая барыня, помяни Богъ ея душеньку! молвила няня крестясь, — была человѣчна: всякому поклонъ отдастъ, инаго къ рукѣ допуститъ; больныхъ навѣщала, со своего стола ихъ питала, а коли бѣда у кого, поможетъ, коли горе какое, пошлетъ священника разговорить, а инаго къ себѣ позоветъ, да сама съ нимъ слово перемолвитъ, — кому же это не любо! Ину пору, кажись, такъ бы и упалъ ей въ ножки! Бывало, взойдетъ утромъ въ дѣвичью вечорошніе уроки смотрѣть, — а ходила она утромъ въ бѣлой шитой

исподницѣ, въ бѣлой кофтѣ съ оборками, голову повязывала бѣлымъ же батистовымъ платкомъ, и изъ себя ужь куда видная была. Я знавала ее пожилою барыней: росту была большаго, высока, пряма, какъ свѣча, худощава, волоса бѣлые, какъ серебро, густые на густые, длинные предлинные, а брови темные, дугою надо всѣмъ глазомъ, глаза карьи, такъ тебѣ и смотрятъ въ упоръ; на щекахъ хоть и замѣтны были умилочки, только ужь куда рѣдко улыбалась наша старая княгиня. Вотъ, бывало, взойдетъ она къ намъ, мы ей всѣ заразъ пояснымъ поклономъ поклонимся, и она намъ поклонъ отдастъ, примолвя: — Богъ помочь! — Покорно благодаримъ, матушка, ваше сіятельство! Ну, вотъ и пойдетъ она наши кутузы, кружевныя подушки осматривать; любила покойница наипаче всего чистоту и аккуратность, у нея не смѣй грязно наплести или вышить, сейчасъ пойдетъ кутузы разбирать и, упаси Богъ, коли найдетъ подъ работой лепешу или ломоть хлѣба. На работѣ, княгиня не морила,

уроки задавала льготные, въ кануны и самые праздники ни за что своей работы не давала, не такъ какъ другіе господа, что пригоняютъ перепялы къ праздникамъ. Я еще что была? едва отъ полу видна, а помню, какъ намѣстница подойдетъ бывало къ матушкѣ, да и взглянетъ на меня, а я уже давно стою сложа ручку на ручку, поджидаю, чтобы княгиня пожаловала мнѣ свою ручку поцѣловать, а у нее пальчики то всѣ унизаны разноцвѣтными перстнями, такъ и сіяютъ разными огнями! Вотъ, иной разъ княгиня запуститъ напередъ руку въ карманъ, да и дастъ мнѣ кусокъ сахару или горсть орѣховъ, а матушка меня въ шею, — кланяйся, молъ, — благодари! Ину пору спроситъ княгиня: — что Уля, много ли съ міру собрала? а это вотъ что было: меня дѣвки научили, когда, бывало, орѣхами пробавлялись, складывать ручка на ручку и, обходя ихъ, приговаривать: — ручка ходитъ по міру, собираетъ побиромъ, кто дастъ, тотъ князь, кто не дастъ, тотъ грязь! Старая барыня любила и жаловала мою матушку, и какъ только Господь далъ ей

первую внуку, вашу бабиньку, такъ она и приставила мою матушку въ няни; отпускаючи насъ, — а мнѣ ужь было годовъ съ десятокъ, — княгиня молвила: — изо всей дворни я выбрала тебя, Акулина, ты женщина умная, кроткая, преданная, поручаю тебѣ ребенка: пекись обо внукѣ моей всѣмъ сердцемъ, всей душой своей, и куда глазъ мой не сягнетъ, тамъ будь ты за меня. А мнѣ старая барыня сказала: — ты десятью годами будешь старѣе княжны своей; наказываю тебѣ любить и тѣшить ее, помогать матери во всемъ; а подростешь, за хорошаго человѣка замужъ выдамъ и приданое дамъ. Вотъ и повезли насъ къ молодой княгинѣ въ село Сестрино, — оно верстъ со сто отъ нашего было; старая княгиня такъ вотчинами распредѣлила, что всѣхъ сыновей по близости отъ себя разсадила: кого во 100, кого въ 80, кого въ 50 верстъ, и у нея, бывало, дѣтушки, каждое разговѣнье, каждые имянины ея, хоть топись, а ужь пріѣзжай; а какъ всѣ съѣдутся, такъ она сзоветъ невѣстокъ, раздѣлитъ имъ хозяйство, сдастъ ключи, а

сама смотритъ на нихъ, да смѣкаетъ, которая досужѣе и понятливѣе. Одной княгинѣ прикажетъ столъ, значитъ и кладовыя съ припасами сдастъ; другой отдастъ горячее — это чай, кофе и всякое печенье къ нему; третьей — погребъ, тутъ вина, медъ, пиво и квасы, у этой княгини дѣла поменьше, такъ ей на прибавку шла застольная.

Вотъ и пойдутъ молодыя княгини къ намѣстницѣ за приказами, а она имъ: распоряжайся, мать моя, какъ изволишь, будь, какъ въ своемъ хозяйствѣ! ужь какое тутъ свое хозяйство: невѣстки по половичкѣ ходятъ, да и то съ оглядкой.

Разъ, сказываютъ, не знаю въ какой–то праздникъ, окромя своихъ съѣхалось много гостей; а въ старину, дѣтушки, гости не по нынѣшнему ѣзжали, — ѣздили они всѣмъ дворомъ, опричь хоромъ, ужь кого, кого не навезутъ! И камердинеровъ, и горничныхъ, и шутовъ, и карликовъ, и дворянъ пустодомовъ; а ужь что приживалокъ, да междомокъ этихъ, что промежъ господскихъ домовъ слоняются, такъ ихъ,

бывало, не огребешься! Каждаго напой, накорми, да и спать уложи! Бывало, съ гостями такими и празднику не радъ! А кучеровъ–то что, форейторовъ–то сколько, вѣдь кто чуть поважнѣе, тотъ ѣдетъ цугомъ — шестернею, а лошадей–то, лошадей — словно на барскій дворъ табунъ согнали! И всѣмъ имъ овса, да сѣна припаси, да пріѣзжихъ людишекъ ублаготвори, чтобы на господскій дворъ позору не клали! До княгини нашей пересуды не доходили, этого она не любила, и говаривала: — мои люди сыты, такъ будетъ и съ чужихъ, а на всякое чиханье не наздравствуешься! Бывало, забѣжишь въ галлерею, заглянешь въ окно, когда господа сядутъ ужинать, а въ комнатахъ свѣтъ такой, словно въ полдень, все серебро и золото на столѣ жаромъ горитъ, а намѣстница наша сидитъ, какъ королева на своемъ мѣстѣ, по сторонамъ ея почетныя гостьи въ жемчугахъ да каменьяхъ, а на ней только и есть, что блондовый чепецъ, словно серебряный вѣнчикъ на бѣлыхъ волосахъ, да синій

бархатный капотъ, — вотъ и весь нарядъ, а на видъ то важнѣе всѣхъ: взглянетъ ли на кого, молвитъ ли кому слово, — ну, какъ есть королева! Вотъ, на такомъ–то гостиномъ обѣдѣ, разъ и случись у насъ бѣда: кто–то изъ гостей, изъ старичковъ, помянулъ, что при покойномъ князѣ, на крестинахъ, пилъ у насъ знатную мальвазію; подумавъ маленько, намѣстница сказала: — Княгиня Евпраксія Никитишна, сходите–ка въ выходъ, тамъ на правой рукѣ, въ третьей перегородкѣ стоитъ пять бутылокъ старой мальвазіи, принесите бутылочку; княгиня пошла и вернулась ни съ чѣмъ; — Нѣту, говоритъ, тамъ мальвазіи. Намѣстница повторила тѣ же слова съ разстановкой, прибавивъ: — посмотрите хорошенько.

Молодая княгиня ушла, не дослушавъ, и вернулась сердитая, пресердитая: — Никакой нѣтъ тамъ мальвазіи! сказала она. — Есть! отвѣчала старая барыня. А Евпраксія то Никитична съ сердцовъ и брякъ ей: — Нѣтъ у васъ мальвазіи, да, можетъ статься, никогда и не бывало! Такъ

всѣ и замерли, словно затишь передъ бурей сталась! Вотъ старая княгиня, сдвинувъ брови, подозвала къ себѣ сына, да какъ ляснетъ его по щекѣ: — Учи свою жену, дуру, говорить! Послѣ стола взяла намѣстница подъ руку того самаго гостя, который на грѣхъ помянулъ про мальвазію, пригласила и барынь, кому угодно посмотрѣть ея винный подвалъ, — а тамъ была чистота на диво. Вотъ и пошли всѣ господа за нею, а сзади идетъ буфетчикъ съ чарочками на подносѣ. Какъ взошли, такъ княгиня прямо къ третьей перегородкѣ, что на право, нагнулась и, доставъ бутылку, показала гостю, а тотъ сейчасъ и призналъ; ее тутъ же откупорили и выпили за здоровье намѣстницы, а она, отхлебнувъ изъ своей чарки, подала ее князю, мужу княгини Евпраксіи, примолвивъ: — Пей, Николай, это вино пили на твоихъ крестинахъ! а сама взяла да и поцѣловала его въ лобъ. Ужь какъ же молодой князь материнской ласкѣ обрадовался, — словно выросъ вдругъ. Невѣсткѣ же своей

намѣстница и виду не подала, какъ будто межъ нихъ ничего и не было.

Надо правду молвить: старая барыня никому головы не грызла и прошлой вины не поминала: — кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ, говаривала она, уча невѣстокъ обращенью съ людьми. Тутъ няня, поникнувъ головою, смолкла.

— Ну, нянечка, душечка, разскажи еще что нибудь про прапрабабушку, торопили ее дѣти.

— Хотѣла я вамъ, дѣтушки, про крестины моей матушки барыни разсказать, да что–то позапамятовала; глупа въ тѣ поры — сама не величка была! помню только, какъ покойницѣ матушкѣ моей, намѣстница пожаловала шелковый, вишневаго цвѣту платокъ, и какъ она, передавая ей бабиньку вашу на руки, возвеличала матушку мою по отчеству; право, дѣтушки, не лгу, намѣстница сама изволила покойницу матушку назвать Данильевной! Съ тѣхъ поръ, у князей и у молодыхъ княгинь такъ и пошла она Данильевной, а всѣ прочіе величали ее

ангельскимъ и отецкимъ именемъ: Акулиной Данильевной.

— Няня, а какъ вы съ бабушкой играли, въ какія игры? спросили дѣти.

— Мало ли игръ какихъ было! зайчикомъ скакали, въ гусей–лебедей играли, сказки сказывали, загадки загадывали, ну и въ разныя игры играли, а на святки золото хоронили, въ курилку, въ жмурки, въ прятку, въ жгуты играли, подблюдныя пѣсни пѣли, переряжались; весной — хороводы водили, макъ сѣяли, пиво варили, въ горѣлки, въ уточку, въ воробья играли и на качеляхъ качались. А ужь лучшей игры у бабиньки не было, какъ ей изъ за трапезной тѣста принесешь, такъ она полдня крендельки валяетъ. Осенью, бывало, наберемъ разноцвѣтнаго блеклаго листу всякаго: и желтаго, и краснаго, и желтаго въ зеленыхъ крапинахъ, и зеленаго въ желтыхъ крапинахъ, и краснаго съ желтыми разводами, и играемъ этимъ товаромъ въ ярмарку; мы — дѣвчонки, за мѣсто купцовъ, а княжна межъ насъ покупательницей ходитъ, что бракуетъ, а

что хвалитъ, да на орѣшки покупаетъ. Ино желудей наберемъ, посуду дѣлаемъ: перерѣжемъ желудь пополамъ, ядро выкинемъ, а изъ половиночекъ у насъ чашечки, изъ желудиныхъ поддоновъ блюдечки выйдутъ, а потомъ, выберемъ самый большущій желудь, срѣжемь съ него верхушечку, выковырнемъ ядро, вотъ этотъ–то желудочекъ идетъ у насъ замѣстъ чайника, а срѣзанная верхушечка за мѣсто крышки; съ одной сторонки проткнемъ желудь и вставимъ травинку, — это рыльце, а съ другой стороны воткнемъ травинку за мѣсто ручки.

— Да, дѣтушки, въ старину не то, что теперь, — игрушки были на рѣдкость, и ужь какія богатыя барышни, и тѣ самодѣльщинкой играли, а не хуже вашего забавлялись! Да я что–то игрушекъ у бабиньки и не запомню; все больше куклами играли, что сами же и шили; была, правда, у насъ кухонная посудка, да еще чайный приборъ, вотъ и все; а про фарфоровыя игрушечки я и не говорю: ими давали бабинькѣ поиграть только въ Святъ

день до обѣда, а тамъ опять въ горку убирали.

— Няничка, какія же это такія игрушки были?

— А кто ихъ знаетъ, какія? сказывали дорогія, заморскія: были тамъ двѣ пастушки съ пастухомъ, собачка, два барашка да птичка въ клѣткѣ, и еще былъ словно цѣлый хороводъ куколокъ пастушекъ съ пастушками, и стояли они на блюдечкѣ, взявшись за руки; пастушки въ розовыхъ да желтыхъ платьяхъ, а пастушки въ голубыхъ камзолахъ; какъ бывало, тронешь ихъ пальцемъ, они и закружатся. Вотъ и всѣ игрушки, не то что у васъ, — вашихъ то, чай, и не перечтешь!

— Разскажи намъ про Смольный монастырь, какъ ты тамъ съ бабушкой жила? спросила Саша.

— Постой, Сашенька, еще до Смольнаго то далеко, еще тутъ французъ приходилъ.

— Ну, разскажи про француза.

— И рада бы, дѣтушки, разсказала, да съ годами память отбило, и все былое, все, словно вода въ рѣшето ушла! А молода

была, все знала и всякія печатныя аль писаныя бумаги, что при мнѣ читали, все помнила! Теперь, чай, ни одно словечко въ умѣ по печатному не сложится; только и помню: что идетъ де на православный народъ французъ, съ дванадесятью языкъ, а ведетъ ихъ окаянный Бонапартъ; народъ грабитъ, бьетъ, святые храмы Божьи сквернитъ, въ нихъ, за мѣсто конюшенъ, лошадей ставитъ, образа обдираетъ, и много еще тамъ было всего пропечатано. Вотъ и сталъ народъ собираться, промежъ себя сговариваться, что, да что дѣлать? стали и господа чаще съѣзжаться, и все про француза толкуютъ. Пришла разъ бумага, что де коли у кого мадама или мамзель проживаетъ, али мусье въ учителяхъ, то чтобы господа за нихъ поручились, что не станутъ де они со своими знаться и про насъ имъ отписывать.

А у насъ въ тѣ поры, только что для бабиньки вашей французенку мадаму взяли; вотъ князь нашъ и говоритъ: — А кто за нихъ поручится, я первый отказываюсь! Княгиня Елизавета Васильевна замолвила,

должно статься, за мадаму французское словечко, а покойный князь хоть и хворалъ, да какъ крикнетъ что–то тоже по французскому, ну такъ всѣ и замолчали! Вотъ какъ отошло у него сердце, онъ подозвалъ къ себѣ княгиню, поцѣловалъ у нея ручку и говоритъ: — Лучше намъ, княгиня, чтобы дочь наша вовсе по французски не знала, чѣмъ держать ехидну за пазухой! На томъ и порѣшили, чтобы на другой день отправить мадаму; она было упираться, — да съ нашимъ то княземъ не больно наломаешься, — что скажетъ, то и сдѣлаетъ!

— Пошла у насъ рекрутчина, а тамъ наборы въ ополченіе, и простой народъ и господа, всѣ шарахнулись; всѣ идутъ за матушку землю русскую да за церковь Православную. Вотъ хоть бы и у насъ: у намѣстницы три сына было; и какъ есть всѣ трое пошли на войну; нашъ то князь не поспѣлъ путемъ отъ болѣзни оправиться, а собрался за братьями, ему вишь зазорно было старшему брату отъ меньшихъ отстать! А что вытья–то, что вытья–то у

насъ было! Мы все едино, что на смерть его провожали: отслужили напутственный молебенъ, и служили его на дворѣ, — въ комнатахъ же негдѣ было повернуться. Княгиню замертво унесли, княжну баринъ благословилъ образомъ, перекрестилъ ее и велѣлъ также увести, а вашу бабиньку, сказала няня, обращаясь къ Сережѣ съ Алешей и къ Зинѣ съ Лизой, тогда еще на рукахъ носили; вотъ князь взялъ ее отъ няни, высоко поднялъ, потомъ приложилъ ее къ нерукотворенному образу Спасителя, прижалъ себѣ къ груди, перекрестилъ и также велѣлъ унести, а самъ обратился къ народу: — Прощайте ребята, не поминайте лихомъ! иду отстаивать свою семью, васъ и всю Русь православную! Батюшки свѣты! какъ взвоетъ народъ, какъ грянется ему въ ноги! — Не ходи, батюшка–князь, не покидай насъ, пожалѣй хоть княгиню свою, не пустимъ тебя, кормилецъ нашъ! И сталъ народъ напирать на него, а другіе, что посмѣлѣе, ужь и за лошадей принялись; какъ рванется нашъ князь, — а куда силенъ былъ, — да крикнетъ на народъ: — Прочь

дурачье! Я съ вами, какъ съ людьми поговорить хотѣлъ, а вы, словно бабы, нюни распустили! и сталъ князь подзывать мужичковъ, что посмышленѣе. — Ну, говоритъ, ребята, сказывайте, что безъ меня дѣлать замышляете, когда французъ подойдетъ? — А, что другіе, батюшка, дѣлать станутъ, то и мы! баютъ, вишь, православные скотъ въ лѣсъ гонятъ, хлѣбъ въ землю прячутъ, дома жгутъ, а сами въ лѣсъ уходятъ! — Ладно! молвилъ князь, — свои избы жечь станете и мои хоромы подпалите, — чтобы врагу не было ни дна, ни покрышки! — Такъ, такъ, вѣстимо такъ! крикнулъ народъ.

— Ну, коли такъ, такъ и по рукамъ! сказалъ князь, обнимаясь съ народомъ. Потомъ, словно теперь смотрю, сталъ на подножку, да и крикнулъ всѣмъ: — ребята, пуще глаза беречь княгиню мою съ княжнами! А она, лебедушка наша, легка на поминѣ, очнулась, да и на крыльцо! ужь видѣлъ ли ее князь, не видалъ ли, а крикнулъ: — Пошелъ! Кучеръ свистнулъ, кони помчали, пыль поднялась столбомъ, —

думали, вѣкъ не видать князя, а Господь иначе судилъ: послалъ ему болѣзнь и вернулъ послѣдняго сына матери! Хоть князь нашъ и обижался на болѣзнь свою, да ничего не подѣлаешь, — противъ Бога не пойдешь! А ужь соколику нашему, среднему князю, видно на роду написано было домой не ворочаться: сложилъ сердечный головушку свою въ великомъ бою, что подъ Москвою былъ; меньшой же князь, мужъ княгини Евпраксеи, хоть и вернулся, да калѣкой, безъ руки, и то говоритъ, спасибо солдатушкамъ, что вынесли его на себѣ!

Боясь, чтобы няня не закончила своего разсказа, дѣти другъ за дружкой понукали ее: — ну няничка, да нуже — разсказывай!

— Ну, да ну! сказала старуха, — то–то и есть, дѣтушки, что нынѣ ну не ѣдетъ, тпру не везетъ!

— На чемъ бишь я остановилась? Да, какъ нашъ князь уѣхалъ, вотъ и сталась въ дому, какъ въ гробу, затишь такая, что муху слыхать, а бабинька то хоть пяти годочковъ была, но все понимала: бывало,

захлеснетъ ручки надъ головушкой, да таково то жалобно плачетъ, а глядючи на нее, и мы, бывало, ревемъ до надсаду.

Княгинѣ же безъ князя высокъ теремъ опостылъ, она такъ и дневала и ночевала въ своей образной.

Усадьба наша была не подалеку отъ города, а большая дорога шла по самому селу мимо господскаго дома; вотъ, бывало, кто не ѣдетъ, всякаго опросишь, мужикъ ли, баринъ ли: — что, молъ, наши? — гдѣ французъ? Иной рукой махнетъ, мимо проѣдетъ, а иной отвѣтъ дастъ: — валитъ де его сила видима невидима, все губитъ, ничему пощады не даетъ: святотатствуетъ, церкви поганитъ, надъ младенцами ругается; кого изъ взрослыхъ найдетъ, на свою службу ставитъ, волю обѣщаетъ! — А провалиться бы ему сквозь землю, съ его антихристовой волей! кричалъ народъ нашъ, и ужь заранѣе располагали, какъ и что дѣлать: ребятамъ на носъ нарубили, какъ чуть послышатъ переполохъ, — а въ набатъ ударить взялся нашъ старый дьячекъ, — такъ, чтобъ они и бѣжали въ

рожь, а оттуда въ оврагъ спускались и пробирались орѣшникомъ къ Макаровой ямѣ; бабы ребятницы шли бы съ ними, а прочія бабы подсобляли бы старымъ да немощнымъ; мужички же засады затѣвали.

— Вотъ пока все это дѣялось, надумала намѣстница наша собрать всѣхъ невѣстокъ со внучатами къ себѣ подъ крылушко. Взгадано, сдѣлано. Потянулись обозы со всѣхъ трехъ усадьбъ въ село Борище. И ужь мы ѣхали, ѣхали тѣмъ боромъ, по которому самое село прозвано, даже душно стало княжнамъ, а мнѣ–то любо! Я, почитай, въ бору и родилась: княгинѣ смерть не хотѣлось ѣхать на житье къ свекрови, да вѣдь съ намѣстницею ничего не подѣлаешь! Мы пріѣхали первыя, и ужь какъ старая княгиня приняла молодую, таково то ласково, да любовно, какъ не всякая мать родная приметъ дѣтище свое! И не намъ однѣмъ, а и другимъ невѣсткамъ былъ такой же почетъ. Вотъ и стали мы жить да поживать, да скуку избывать; правда, пословица говоритъ: безъ бѣды друга не узнаешь, — одни уста тепломъ и

холодомъ дышатъ! Молодыя княгини такъ всей душой и прильнули къ намѣстницѣ, а она, словно крѣпкая матица, въ дому всѣмъ подпора, всѣмъ оборона! Объ эту то пору не ждано не гадано воротился нашъ князь, больной, исхудалый, желтый; мы же ему словно Христову празднику обрадовались, обрадовалась, должно быть, и намѣстница, да только радость свою отъ другихъ таила. Вотъ и стали приходить вѣсти одна другой грознѣе: французъ напираетъ, тѣснитъ, а наши пятятся, все назадъ подаются. — И, что это, говорила намѣстница, заламывая руки, — русскихъ бояръ у насъ не стало, что нѣмцамъ всѣ арміи поручены! вѣдь того и гляди, что они его, супостата нашего, къ Москвѣ приведутъ, да и выдадутъ ее своими руками! Княгиня на каждый день приказала службу; ежеденно служили молебенъ съ колѣнопреклоненіемъ при отворенныхъ царскихъ дверяхъ. А уже молва то какая по народу ходила, такъ страсти Господни: что Наполеонъ то и есть самый антихристъ, что онъ нашихъ неволей въ свое становище уводитъ, клеймо на

правую рученьку кладетъ, и что православному человѣку нѣту тошнѣе того дьявольскаго знака; были такіе, что сами себѣ руку на прочь топоромъ отсѣкали. Сказывали еще, что окаянный Бонапартъ двоихъ смоленскихъ господъ поймалъ и казнилъ за то, что они не согласились на него служить; да мало ли чего не было, — всего было, дѣтушки, всего было! — А что горя да слезъ! такъ развѣ въ татарщину было то, что сталось, когда матушка наша первопрестольная, златоверхая Москва врагу въ руки досталась. — Сжегъ бы ее, а не отдалъ! крикнулъ князь.

— Твоими бы устами да медъ пить, молвила намѣстница. — Нѣту, сынъ мой, видно у насъ ни одного путнаго человѣка не осталось! Свѣта представленіе, да и только!

Заперлась она, матушка наша, въ образной, да оттуда двое сутокъ не выходила; а той порой пришла вѣсть, что одинъ князь раненъ, а другой въ великомъ бою головушку сложилъ. Не знали, какъ намѣстницѣ доложить, а у нея сердце вѣщунъ, само прослышало! Вышла изъ

образной: глаза впали, губы словно землей подернуло, только и спросила: — котораго Господь взялъ? Съ той поры, взяла она вдовую княгиню вмѣсто дочери, а княжичу–внуку отписала заживо полъ–имѣнія, онъ такъ у нея одинъ внукъ и остался, — у другихъ же сыновей все дочери были. Разъ изъ городу вернулся батюшка священникъ, да прямехонько подъѣхалъ къ господскому дому, господа выбѣжали на встрѣчу: — Что? что? А онъ и плачетъ, и смѣется, говоритъ: — Православные не выдали святыни, — своими руками жгутъ Москву, сказываютъ, третій день въ той сторонѣ великое зарево стоитъ! Новобранцевъ видимо невидимо къ войскамъ прибываетъ, а главнокомандующій головой своей поклялся извѣсти француза. Вздохнула старая барыня глубоко, осѣнила себя большимъ крестомъ, да вотъ такъ–то, глядя на образъ, промолвила: — Помяни имъ Господи кровь неповинную, помяни имъ нашу Москву первопрестольную!

Стала княгиня семью свою въ дальнія вотчины собирать. — А про меня, старуху, не заботьтесь, я, коли что, такъ съумѣю принять незваныхъ гостей! и больше того намѣстница ни слова не проронила, а со старымъ дворецкимъ да съ батюшкою священникомъ видно что–то затѣвали. Князь же по болѣзни своей будто и покорился, а самъ тоже съ достовѣрными людьми о чемъ то сговаривался. Вонъ, въ такую то пору сидятъ разъ господа за кофеемъ, а я съ княжнами въ прятки играла, подкатили къ крыльцу нѣсколько троекъ.

— Ужь не знаю, дѣтушки, какъ и назвать вамъ, сказала няня смѣясь, — словно все переряженые пріѣхали, съ ружьями да палашами, а въ первой телѣгѣ въ кольчугѣ, въ золоченомъ шишакѣ сидѣлъ Петръ Никитьевичь, женатый на нашей барышнѣ, на младшей княжнѣ, его старая барыня не любила, сказываютъ, княжна тайкомъ отъ родительницы съ нимъ обвѣнчалась!

— Они рѣдко ѣзжали къ намъ.

Петръ Никитьевичь моталъ на пропалую, и больше всего на охоту раззорялся. Къ нему ѣзжали знатные господа изъ Москвы и Питера; охота его была первая, у него всѣ охотники въ тонкомъ, зеленомъ сукнѣ ходили, своры и ошейники изъ чистаго серебра были, рога охотничьи также серебряные, а новую каменную псарню выстроилъ не хуже господскаго дома, а у господскаго крыльца завсегда медвѣдь или два на цѣпяхъ въ сторожкѣ лежали.

— Жили молодые господа промежъ себя хорошо, только отъ намѣстницы нашей не было зятю другаго имени, какъ пустоголовый.

— Что ты, братъ, какимъ шутомъ нарядился? спросилъ нашъ князь Петра Никитьевича.

— Какъ видишь, ѣду на француза.

— А переряженыхъ куда везешь?

— Со мной.

— А Софья, что? опять спросилъ князь.

— Да вотъ все насъ снаряжала.

— Дура была, дура и есть! сквозь зубы молвила намѣстница.

— А я, матушка–княгиня, къ вамъ за родительскимъ благословенiемъ прiѣхалъ, и жена проситъ васъ положить гнѣвъ на милость, сказалъ Петръ Никитьевичь.

— Я, отецъ мой, благословенiемъ не шучу; благословенiе дѣло великое! сказала намѣстница. И, какъ Петръ Никитьевичь не растилался передъ старой барыней, она устояла на своемъ. Онъ со своей ватагой укатилъ со двора, а за мѣсто его пожаловалъ чиновникъ съ письмоводителемъ, а за ними, словно сговорясь, сосѣдей гибель наѣхало, все бумаги читали, читали, толковали до полуночи. Стали спать укладываться, пошла суматоха! Письмоводителю, писарю, дворянину, что съ придурью былъ, сосѣднiй баринъ его замѣсто шута держалъ, мѣста не достало и положили ихъ въ передней на рундукъ; старикъ буфетчикъ легъ тамъ же. А въ передней въ клѣткѣ висѣлъ воронъ. Не заспалось видно барину, и сталъ онъ ворона дразнить: — Дуракъ да дуракъ, а

воронъ ему на обмѣнъ: Дуракъ! а баринъ благо глупѣе себя нашелъ, сталъ шибче кричать: — Нѣтъ врешь, ты дуракъ; воронъ же нашъ, какъ зарядилъ свое — дуракъ! такъ словно изъ бочки и оретъ. Буфетчикъ знать умаялся, спитъ, какъ убитый, а блажной то подскочилъ къ ворону, да ну хлѣстать по клѣткѣ платкомъ! Воронъ, какъ гаркнетъ: караулъ! и пошелъ, и пошелъ! Все это мы опосля узнали. Буфетчикъ вскочилъ съ просонья, да на дворъ, кричитъ: — французъ! Караульные сбѣжались, ударили въ набатъ, пошелъ переполохъ по селу. Мы съ матушкой моей схватили княжонъ, да въ садъ, къ бору хотѣли пробраться, тамъ у красной сосны приказано было собираться. Что въ покояхъ дѣлалось? — не знаю, слышала, что намѣстница, отдавъ приказанья, появилась какъ ни въ чемъ не бывало, такая же важная, великатная, — хочу де непрошеныхъ гостей чествовать! Вотъ, пробравшись къ бору, а ужь тамъ въ бору народъ копошится; обернулись назадъ, глядимъ, мѣстахъ въ пяти избы на селѣ,

какъ свѣчи горятъ! А ночь стоитъ тихая, ясная, морозная. — Ну, думаю себѣ, — не даромъ князь наказывалъ, чтобы во всякомъ домѣ солома была запасена! А еще хорошо, дѣтушки, что прапрабабинькинымъ приказамъ буфетчикъ позамедлилъ, онъ, сердечный, побѣжалъ переодѣться, на смерть чистое бѣлье надѣть, да и позамѣшкался тамъ, а то бы съ попыховъ и хоромы сожгли! Ну вотъ, какъ все открылось, разъузнали, что, отчего? стали на селѣ пожаръ тушить, а шальнаго барина согнали да и впередъ запретъ ему вышелъ намѣстницѣ глазъ не казать, ворона во флигель сослали. Только мы французовъ и видѣли. Нѣтъ, дайте срокъ, и про заправскихъ разскажу, замѣтила няня.

— Изъ княжьяго села Сестрина господамъ доносили, что все обстоитъ благополучно, только, что орѣховъ да брусники бабы не гораздо набрали, боялись далеча отъ домовъ уходить, яблоки же всѣ, какъ есть, пособраны, и слышно де, что французъ по близости *міродерничаетъ,* но къ намъ не заходитъ. А тутъ и Петръ

Никитьевичь воротился, говоритъ: — Бонапартъ изъ Москвы бѣжалъ, и чуть ли его казаки не изловили.

— Ну, а ты что, братъ? спросилъ его князь. — Куда дѣвалъ свое воинство?

— Сдалъ охотниками.

— А самъ, что?

— А самъ ѣду домой, дѣла есть.

— Пустоголовый, пустоголовый! молвила ему намѣстница, — а еще благословенія моего просилъ!

— Что же, княгиня, я не даромъ ѣздилъ: двоихъ отъ замученья спасъ; пріѣхалъ я въ деревню, вижу, на площади бабы съ заступами, съ лопатами, съ цѣпами стоятъ, орутъ во всю Ивановскую! Я къ нимъ, вижу, яма вырыта, — что, молъ, это дѣлаете? — А вотъ, батюшка, *міродеровъ* поймали, такъ ихъ хотимъ живьемъ зарыть! — Эхъ, бабы, говорю я имъ, — не того они стоятъ! отдайте мнѣ, я ихъ медвѣдями стравлю. Однѣ согласились, другія заартачились; я бросилъ имъ синенькую, взвалилъ съ кучеромъ французовъ въ телѣгу, да и былъ таковъ!

— Какъ услыхали мы, что у насъ на дворѣ заправской французъ есть, такъ всѣ и сбѣжались поглядѣть, каковы французы бываютъ? Батюшки свѣты! и въ чемъ душа держалась; блѣдные, худые, избитые, оборваные! Даже намъ, словно, ихъ жалко стало! Намѣстница наша и на глаза ихъ не пустила, а напоить, накормить приказала.

— Ну, пришелъ и на нашу улицу праздникъ! — погнали француза во свояси! сказываютъ, хуже цыганъ оборванцами шли; кто въ чемъ, кто въ лаптяхъ, кто въ котахъ, кто въ салопѣ, кто въ поповской теплой рясѣ.

— Сталъ князь нашъ у матушки своей хоть на побывку домой отпрашиваться. Ничего, отпустила; — только наказала къ Филиповкамъ, къ заговѣнью неотмѣнно быть. Дома все благополучно застали, и караулъ и все, какъ надо; по вечерамъ, мы дня по два бѣгали на чердакъ въ слуховое окно смотрѣть на бивачные огни, даже и княгиня ходила смотрѣть на вражьи биваки, и на нашихъ, какъ огонь горѣлъ, и какъ огни тѣ съ каждымъ вечеромъ отъ насъ

отодвигались, а подъ конецъ и вовсе изъ глазъ пропали, какъ пропалъ и сгинулъ въ снѣгахъ французъ. — Вотъ вамъ, дѣтушки, что помнила, то сказала, а что запамятовала, того не пытайте, — все, какъ въ воду, кануло, словно за тридевять земель въ тридесятое царство ушло!

Изъ рукописей покойнаго В. И. Даля.